

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 323(667)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-316-331

Факторы социально-политической стабильности в Гане

Андрей В. Коротаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия;

Институт Африки РАН, Москва, Россия, akorotaeв@hse.ru

Леонид М. Исаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия;

Институт Африки РАН, Москва, Россия, lisaev@hse.ru

Алиса Р. Шишкина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия;

Институт Африки РАН, Москва, Россия, ashishkina@hse.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению процессов социально-политической дестабилизации в странах Западной Африки, а также факторам, способствующим сохранению и поддержанию стабильности в отдельных странах. Страны Западной Африка и, в частности, регион Сахеля в последние годы могут рассматриваться как эпицентр распространения экстремизма и терроризма. Главный фокус исследования в данном случае направлен на Гану как страну, демонстрирующую наиболее низкие показатели террористических атак и эпизодов социально-политической нестабильности за последние годы. При этом в других странах Западной Африки, в том числе находящихся по соседству с Ганой, фиксируются достаточно высокие показатели нестабильности. Авторы приходят к выводу, что в случае с Ганой ключевыми стабилизирующими факторами выступают религиозная и этническая терпимость и общая культура мира среди жителей Ганы, усилия руководства страны по развитию межконфессиональной толерантности и сотрудничества, развитое гражданское

© Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р., 2023

общество, а также эффективная работа обширной сети средств массовой информации. Кроме того, устойчивость Ганы по отношению к угрозам насильственного экстремизма и терроризма может быть объяснена достаточно эффективной демократической административной системой и хорошими показателями управления страной, развитым сектором безопасности с многолетним международным миротворческим опытом, а также сильной традиционной системой поддержания мира и стабильности.

Ключевые слова: Западная Африка, Гана, терроризм, политическая стабильность, безопасность, экстремизм, Сахель

Для цитирования: Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Факторы социально-политической стабильности в Гане // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 3. С. 316–331. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-316-331

Factors of socio-political stability in Ghana

Andrey V. Korotayev

HSE University, Moscow, Russia;

Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia,

akorotayev@hse.ru

Leonid M. Issaev

HSE University, Moscow, Russia;

Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia,

lisaev@hse.ru

Alisa R. Shishkina

HSE University, Moscow, Russia;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia,

ashishkina@hse.ru

Abstract. The article deals with studying the processes of socio-political destabilization in the countries of West Africa, as well as factors contributing to the preservation and maintenance of stability in specific countries. The countries of West Africa and, in particular the Sahel region, in recent years can be considered as the epicenter for the spread of extremism and terrorism. For that instance the study was mainly focused on Ghana as a country showing the lowest rates of terrorist attacks and episodes of socio-political instability in recent years. At the same time, in other countries of West Africa, including those

neighboring Ghana, quite high rates of instability are recorded. The authors conclude that in the case of Ghana, the key stabilizing factors are religious and ethnic tolerance and a general culture of peace among Ghanaians, efforts by the country's leadership to develop interfaith tolerance and cooperation, a developed civil society, and an effectively working extensive media network. Moreover, Ghana's resilience to the threats of violent extremism and terrorism can be attributed to a reasonably effective democratic administrative system and the country's good governance record, a developed security sector with decades of international peacekeeping experience, and a strong traditional system of keeping the peace and stability.

Keywords: West Africa, Ghana, terrorism, political stability, security, extremism, Sahel

For citation: Korotayev, A.V., Issaev, L.M. and Shishkina, A.R. (2023), "Factors of socio-political stability in Ghana", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 3, pp. 316–331, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-316-331

Социально-политическая нестабильность в странах Западной Африки

Западная Африка и, в частности, регион Сахеля в последние годы выступает эпицентром распространения экстремизма и терроризма [Костелянец 2016; Васильев, Жерлицына 2019; Коротаев, Устюжанин 2021; Коротаев и др. 2022, с. 293–299; Korotayev, Shulgin et al. 2023, pp. 473–480]. Так, с 2010 по 2015 г. количество терактов в этом регионе выросло более чем в семь раз [Исаев и др. 2022]. Данные процессы интенсифицировались также после начала пандемии COVID-19. Среди стран, демонстрирующих наиболее высокие показатели по проявлениям насильственного экстремизма и терроризма, можно отметить Буркина-Фасо, Мали и Нигер, однако существует угроза распространения на другие страны, в том числе прибрежные государства Гвинейского залива.

Для того чтобы наглядно представить динамику террористических атак в странах Западной Африки за последние десять лет, обратимся к базе данных Global Terrorism Database¹. На рис. 1 представлено количество терактов в некоторых странах Западной Африки. Так, мы можем видеть достаточно высокие показатели террористической активности в Буркина-Фасо, Мали, Нигере и Нигерии.

¹ Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/> (дата обращения 30.11.2023).

Рис. 1. Динамика терактов в некоторых странах Западной Африки, 2010–2021 гг.

Возникновение и распространение социально-политической нестабильности в странах Западной Африки может быть связано с целым рядом факторов. В этом случае можно говорить о финансировании извне [Madubuegwu et al. 2021], и о наличии так называемого молодежного бугра (повышенной доле молодежи в общей численности населения страны) [Коротаев и др. 2012; Korotayev, Romanov et al. 2023], и о методологии проведения религиозных проповедей, связанной с различиями в доктринальных и интерпретационных подходах к концепции джихада [Aning, Abdallah 2013]. Кроме того, исследователями отмечается уязвимость процессов национального строительства, что открывает широкие возможности для распространения транснациональных экстремистских идеологий [Жерлицына 2018]. Эти и другие факторы могут выступать движущими силами радикализации и ее возможной трансформации в эпизоды политического насилия. Кроме того, важным дестабилизирующим фактором в данном случае выступает деятельность запрещенных в России террористических группировок, в первую очередь «Исламского государства» и «Аль-Каиды» [Nsaibia, Weiss 2020].

В некоторых исследованиях также отмечают такие характеристики, как сложный социально-политический контекст в целом, а также бедность, недостаточный общий уровень грамотности населения, агрессивная политическая конкуренция с преобладанием принципа «победитель получает все» [Diedong 2018; Коротаев, Устюжанин 2021].

По мнению Анинга и Абдаллы [Aning, Abdallah 2015], можно говорить об определенной частоте и интенсивности случаев ра-

дикализации и эпизодах политического насилия среди последователей трех религиозных групп в странах Западной Африки, в том числе в Гане, и мотивированы они главным образом борьбой за доктринальное превосходство, а также имеют тенденцию к подрыву национального мира и безопасности. Как отмечают Захаров и др. [Захаров и др. 2020], сближение геопространств христианства и ислама в Суданско-Сахельском регионе сопровождалось усилением религиозной конкуренции и возникновением значительного числа конфликтов: так, в период 1997–2017 гг. около 30% всех конфликтов в Африке приходилось на страны ССК.

Религиозное измерение социально-политической нестабильности имеет важное значение для стран Западной Африки в целом. К примеру, Либерия, в значительной степени известная как «христианская нация» (около 75% населения страны являются христианами – во многом по причине того, что те, кто ее основал, являлись христианами), в настоящее время все больше сталкивается с проблемами радикализации ислама, особенно с учетом вписанности этих процессов в более широкий субрегиональный контекст. В случае с Либерией дополнительным фактором, повлиявшим на характер разворачивания политической нестабильности, стало внешнее вмешательство в гражданскую войну, однако, по мнению, например, Джайе и Алао [Jaye, Alao 2013], религиозная радикализация будет играть свою роль еще достаточно долгое время.

Факторы устойчивости Ганы к экстремизму и терроризму

В отличие от соседних стран, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуара и Того, которые подвергались террористическим атакам в последние годы, Гане до сих пор удавалось предотвращать нападения, несмотря на исходные условия, потенциально указывающие на уязвимость страны в этом контексте. Действительно, мы можем говорить о целом ряде разнообразных факторов, делающих Гану уязвимой перед лицом насильственного экстремизма и терроризма. Аубин [Aubin 2021] выделяет шесть ключевых факторов.

1. *Территориальная близость к странам, охваченным процессами социально-политической дестабилизации.* В данном случае речь идет о территориях, на которых разворачивают свою деятельность такие группировки, как «Исламское государство в Большой Сахаре», «Джамаат Нусрат ал-Ислам ва-л-Муслимин» и «Ансару-л-Ислам». Для подобных группировок стратегически важной страной является Буркина-Фасо, располагающаяся на стыке нескольких государств, в

том числе гранича с Ганой, делая каждую из этих стран уязвимой для террористических атак в силу достаточно плотных исторических, экономических и политических связей между этими странами.

2. *Угроза распространения терроризма внутри страны*, в первую очередь со стороны боевиков, вернувшихся после вербовки террористическими группировками, а также тех, кто потенциально может быть завербован через пропаганду и социальные сети [Zulkarnian 2020] либо стремится к финансовой выгоде.

3. *Растущий приток нелегальных и трудовых мигрантов из Мали, Нигера, Нигерии, Буркина-Фасо и Ближнего Востока*, который провоцирует межобщинные разногласия, приграничные конфликты и маргинализацию сообществ.

4. *Участие боевиков в нелегальной добыче золота*, что может рассматриваться как дополнительный ресурс для вербовки, а также усиливать межобщинную напряженность.

5. *Комплексные проблемы общества*, включающие в себя неразрешенные локальные конфликты, бедность, безработицу, политическую и социальную маргинализацию, слабый пограничный контроль, недостаточную роль государства в периферийных районах, слабость государственных институтов, коррупцию, а также наркотрафик и транснациональную преступность.

6. И, наконец, в этом ключе стоит отметить также *низкую осведомленность населения о стратегиях вербовки и последствиях терроризма*, которая может успешно использоваться вербовщиками от экстремистских группировок.

Стоит также иметь в виду, что Гана может быть условно разделена на две части, включающие в себя северные регионы, с одной стороны, и южные – с другой. Различие между этими двумя частями заключается в неодинаковом уровне экономического развития и общих показателях качества жизни. Исторически более исламизированные северные районы Ганы оказывались не столь развитыми, нежели южные, по указанным параметрам. Северная Гана также входит в число регионов, где исламская радикализация может оказывать заметное воздействие на политическую стабильность, что может иметь последствия для внутррелигиозного и межрелигиозного мирного сосуществования внутри страны [Aning, Abdallah 2013].

Тем не менее, несмотря на меняющийся социально-экономический ландшафт, а также описанные выше факторы и предпосылки для ухудшения социально-политической ситуации в стране, Гана является поистине выдающимся примером преобладания политической стабильности в последние годы на фоне роста дестабилизационных процессов в регионе [Amoah 2020]. Действительно, Гана

демонстрирует высокий уровень резистентности по отношению к дестабилизационным процессам в регионе, а также выражено низкие показатели террористической активности в стране.

На рис. 1 видно, что в последние годы в Гане фиксируется наиболее низкий уровень террористических атак (к примеру, в большинстве случаев фиксировался лишь один эпизод в год, при этом отмечается повышение этого уровня до 10 атак лишь в 2020 г., после чего данный показатель снова стабилизировался на достаточно низкой отметке). Описанная динамика выглядит особенно красноречиво в сравнении с некоторыми другими странами Западной Африки, в том числе граничащими с Ганой. Так, заметно более высокие показатели демонстрируют Буркина-Фасо, Мали и Нигер, в то время как в Нигерии фиксируется и вовсе зашкаливающий уровень террористических эпизодов за последние десять лет.

Говоря о типах реагирования на угрозы насильственного экстремизма и терроризма со стороны Ганы, стоит выделить несколько сфер. В первую очередь, речь идет о правовой составляющей. Так, в стране была принята законодательная рамка в соответствии с региональными и международными конвенциями и протоколами, в том числе Закон о борьбе с терроризмом 2008 г., Закон о борьбе с отмыванием денег 2008 г., Закон об организованной преступности 2010 г., а также Национальная программа по предотвращению и противодействию насильственному экстремизму и терроризму. Указанные правовые документы обеспечивают минимизацию угрозы терроризма по следующим направлениям: обеспечение превентивных мер, выявление и сдерживание террористических угроз, меры по защите территории и инфраструктуры, а также мероприятия по смягчению последствий террористических инцидентов [Aubyn 2021].

Далее стоит выделить такие усилия, как, например, Аккрская инициатива по борьбе с насильственным экстремизмом в регионе, которая была запущена в 2017 г. при участии Ганы, Бенина, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуара и Того в целях предотвращения распространения терроризма из региона Сахеля и борьбы с организованной транснациональной преступностью².

Следующим уровнем готовности к террористической угрозе является оперативное реагирование, выраженное, в частности, в объединенных усилиях полиции, служб безопасности и вооруженных сил Ганы по наращиванию потенциала и проведению имитаци-

² *Ohene Agyapong K.* Report of the Committee on Defence and Interior on the 2023 annual budget estimates of the Ministry of National Security. Accra, Ghana, 2022.

онных учений по борьбе с терроризмом и контртеррористических операций в приграничных районах.

Рассмотрим теперь факторы, способствующие сохранению политической стабильности в этой стране.

Прежде всего в данном случае стоит обратить внимание на *усилия по развитию межконфессиональной толерантности и сотрудничества*. Как уже было отмечено выше, население Ганы является преимущественно христианским. При этом мусульмане (численность которых фиксировалась на отметке 17,6%, согласно переписи населения 2010 г., и варьируется от 20 до 30% в настоящее время, согласно разным оценкам) сосредоточены в основном в северной части страны, наиболее предрасположенной к радикализации, среди таких этнических групп, как фульбе, мампруси, дагомба, гурма, лоби и др. Тем не менее, несмотря на общую тенденцию к усилению межрелигиозных конфликтов в странах Западной Африки, Гана выделяется как страна, имеющая достаточно сильную традицию межконфессионального диалога, благодаря чему даже возникающие периодически эпизоды дискриминации по отношению к мусульманам в христианских школах редко перерастают в реальные конфликты.

В июле 2023 г. авторы данной статьи участвовали в проведении полевого исследования в Гане. Так, в ходе интервью с представителями политической партии Национальный демократический конгресс получила свое подтверждение идея о том, что правительством предпринимаются достаточно успешные шаги по регулированию этно-религиозных разногласий в обществе. Так, С. Аблаква отметил, что в конституции страны заложен принцип регионального баланса и справедливого представительства. Несмотря на то что сейчас баланс представителей регионов и мусульман в некоторой степени нарушен, правительство предпринимает успешные попытки выстраивания диалога между религиями.

Гана является примером гетерогенного общества, в котором уживаются различные этнические группы. Таким образом, исторически население Ганы выработало определенную национальную сплоченность и значительный уровень толерантности по отношению к представителям других национальностей. Поддержанию диалога в значительной степени способствуют также усилия молодежи, направленные на развитие межэтнической и межконфессиональной коммуникации [Wandusim 2015] и традиция участия широких слоев населения в религиозных праздниках, относящихся к разным конфессиям. Кроме того, важен тот факт, что правящая Новая патриотическая партия неизменно придерживается практики выдвижения мусульманина в качестве кандидата в президенты [Aubyn 2021].

Среди органов, регулирующих усилия по поддержанию межрелигиозного диалога, стоит отметить Национальный совет мира, который содействует разработке механизмов предотвращения и разрешения конфликтов. К числу ключевых задач Совета относятся содействие распространению ценностей толерантности, диалога и примирения; мирное разрешение конфликтов через посредничество; выработка рекомендаций для правительства Ганы и других сторон, заинтересованных в укреплении диалога между различными группами населения и т. д. [Agbevade et al. 2021].

В качестве следующего параметра, объясняющего устойчивость Ганы перед лицом террористической угрозы, выступает *развитое гражданское общество*. Организации гражданского общества играют важную роль в содействии демократическому развитию [Whitfield 2003; Kumi 2022]. В стране зарегистрировано около 33000 организаций гражданского общества в различных секторах, в том числе образования, здравоохранения, безопасности, миростроительства и гуманитарной помощи. В этой связи можно упомянуть такие организации, как Западноафриканская сеть миростроительства, Институт демократического управления, Центр демократического развития и др. [Aubyn 2021], которые вовлечены в процессы поддержания межконфессионального диалога, решения гендерных проблем, а также взаимодействия с африканской молодежью.

Примером в данном случае могут выступать инициативы по урегулированию конфликтов между кочевыми скотоводами и фермерами в регионе Агого. При этом общественные объединения, в отличие от иностранных или международных организаций, оказываются в состоянии более эффективно разрешать возникающие конфликты, так как более осведомлены о культурных особенностях сторон конфликта [Setrana 2022].

Организации гражданского общества в Гане принимают участие в разработке и принятии законопроектов, а также в процессах оценки эффективности правительственных органов и в сфере подотчетности. Стоит также отметить совместные антикоррупционные инициативы частного сектора и представителей гражданского общества в Гане в рамках Конвенции ООН против коррупции.

Далее, фактором, способствующим поддержанию социально-политической стабильности в Гане, выступает эффективно работающая развитая сеть средств массовой информации. С 1992 г., когда в силу вступила конституция Четвертой республики, в стране прошло шесть успешных национальных выборов. Это даже послужило поводом рассматривать Гану в качестве маяка избирательной демократии в регионе. Жизнеспособность избирательной демократии

нередко увязывается с развитым политическим дискурсом, а также активной средой политической коммуникации в стране [Diedong 2018]. Одним из важных инструментов в данном случае выступает функционирование средств массовой информации и коммуникации, которые несут в себе элементы состязательности, интерпретации, общественной мобилизации и распространения новостей, а также служат трансляторами повестки и отображения идентичности различных политических партий в публичной сфере³.

По мнению С. Аблаквы, высказанного им в уже упоминавшемся выше интервью, «В конституции зафиксирован плюрализм медиа, и это не контролируется обществом. Зарегистрировано огромное число СМИ, более 600 одних только радиостанций». При этом методы, используемые для распространения политических сообщений в Гане, варьируются от традиционных средств массовой информации до Интернета и новейших средств распространения информации, с разной степенью интенсивности в зависимости от географического местоположения. Здесь стоит отметить, что в Гане, как и в других странах – бывших колониях, новостной дискурс делится на две самостоятельные составляющие: государственную и частную [Nasty 2005].

Благодаря тому, что развитая сфера средств массовой информации способствовала включению населения Ганы в политические процессы посредством создания соответствующей повестки, обеспечивалось представительство различных мнений и групп населения в политическом дискурсе страны. При этом, даже учитывая тот факт, что некоторые СМИ отличались поляризованностью, это не приводило к разжиганию ненависти или насилия в отношении этнических или религиозных групп [Aubyn 2021].

Заключение

В данной статье было продемонстрировано, что устойчивость Ганы по отношению к угрозам насильственного экстремизма и терроризма может быть объяснена достаточно эффективно демократической административной системой и хорошими показателями управления страной, развитым сектором безопасности с многолетним международным миротворческим опытом, высокой позитивной активностью средств массовой информации, активным гражданским обществом, сильной традиционной системой поддер-

³ The handbook of journalism studies / Ed. by K. Wahl-Jorgensen, T. Hanitzsch. L.: Routledge, 2009.

жания мира и стабильности, а также религиозной и этнической терпимостью и общей культурой мира среди жителей Ганы.

Важным аспектом в данном случае также является использование семейных и общественных сетей в качестве своего рода систем безопасности, во многом благодаря тому, что они ориентированы на поддержку государственных мер. При этом, согласно некоторым исследованиям [Атоах 2020], режим поддержания социального мира в Гане постепенно переходит от классического режима политической безопасности к режиму, напоминающему чуть менее эффективный неформальный режим безопасности – по крайней мере, исходя из общественного опыта, – который требует более тщательной интеграции индивидуальных, семейных и общественных мер с целью укрепления и поддержания социально-политической стабильности.

Развитая сеть средств массовой информации также является важным параметром, способствующим сохранению социально-политической стабильности в стране благодаря формированию разноплановой медийной повестки, а также посредством информирования населения о способах вербовки со стороны террористических организаций и в целом последствий проявления экстремизма.

Благодарности

Исследование выполнено в 2023 г. при поддержке гранта РФФ № 19-18-00155.

Acknowledgements

This article is the output of a research project implemented with support by the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00155).

Литература

Васильев, Жерлицына 2019 – *Васильев А.М., Жерлицына Н.А.* Трансформация стратегии ИГИЛ* в Ливии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 12. С. 101–108.

* Организация, признанная террористической на территории Российской Федерации.

- Жерлицына 2018 – *Жерлицына Н.А.* Африка и африканцы в национальном, региональном и глобальном измерениях // Восток. 2018. № 2. С. 159–165.
- Захаров и др. 2020 – *Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.* Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. Т. 65. № 4. С. 640–653.
- Исаев и др. 2022 – *Исаев Л.М., Коротаяев А.В., Бобарыкина Д.А.* Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 411–421.
- Коротаяев, Устюжанин 2021 – *Коротаяев А.В., Устюжанин В.В.* О структурно-демографических факторах вооруженных исламистских революционных выступлений в странах группы G5 Сахель // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2021. Т. 12. С. 451–474.
- Коротаяев и др. 2012 – *Коротаяев А.В., Малков А.С., Бурова А.Н., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С.* Ловушка на выходе из ловушки: Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события арабской весны 2011 г. // Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития / Отв. ред. А.А. Акаев. М.: Либроком/URSS, 2012. С. 210–276.
- Коротаяев и др. 2022 – *Коротаяев А.В., Устюжанин В.В., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г., Гринин Л.Е.* К математическому моделированию политико-демографического будущего Африки // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2022. Т. 13. С. 253–303.
- Костелянец 2016 – *Костелянец С.В.* Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2 (51). С. 101–113.
- Agbevide et al. 2021 – *Agbevide A., Graham E., Van R.E.* The national peace council and democratic consolidation. An assessment // International Journal of Political Science and Governance. 2021. Vol. 3. No. 2. P. 90–100.
- Amoah 2020 – *Amoah P.A.* Examining attitudes towards welfare in an in/security regime. Evidence from Ghana // Social Policy and Society. 2020. Vol. 19. No. 4. P. 661–676.
- Aning, Abdallah 2013 – *Aning E.K., Abdallah M.* Islamic radicalization and violence in Ghana // Militancy and Violence in West Africa. L.: Routledge, 2013. P. 90–124.
- Aubyn 2021 – *Aubyn F.K.* The risk of violent extremism and terrorism in the coastal states of West Africa. Assessing Ghana's vulnerabilities, resilience and responses // Conflict trends. 2021. Vol. 3. P. 14–21.
- Diedong 2018 – *Diedong A.L.* Political communication in Ghana. Exploring evolving trends and their implications for national development // Perspectives on political communication in Africa. Cham: Springer 2018. P. 255–268.
- Hasty 2005 – *Hasty J.* The press and political culture in Ghana. Bloomington: Indiana University Press, 2005. 189 p.
- Jaye, Alao 2013 – *Jaye T., Alao C.A.* Islamic radicalization and violence in Liberia // Militancy and violence in West Africa. L.: Routledge, 2013. P. 125–160.

- Korotayev, Romanov et al. 2023 – *Korotayev A., Romanov D., Zinkina J., Slav M.* Urban youth and terrorism. A quantitative analysis (are youth bulges relevant anymore?) // *Political Studies Review*. Vol. 21. No. 3. P. 550–574, <https://doi.org/10.1177/14789299221075908>.
- Korotayev, Shulgin et al. 2023 – *Korotayev A., Shulgin S., Ustyuzhanin V., Zinkina J., Grinin L.* Modeling social self-organization and historical dynamics. Africa's futures // *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome* / Ed. by V. Sadovnichy. Cham: Springer, 2023. P. 461–490, https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_20.
- Kumi 2022 – *Kumi E.* Pandemic democracy. The nexus of COVID-19, shrinking civic space for civil society organizations and the 2020 elections in Ghana // *Democratization*. 2022. Vol 29. No. 5. P. 939–957.
- Madubuegwu et al. 2021 – *Madubuegwu C.E., Ibekaku U.K., Domini O.E.* Terrorism in West Africa and national security of states. A critical analysis // *Nigerian Journal of Social Development*. 2021. Vol. 10. No. 1. P. 37–53.
- Nsaibia, Weiss 2020 – *Nsaibia H., Weiss C.* The end of the Sahelian Anomaly. How the global conflict between the Islamic State and al-Qaida* finally came to West Africa // *CTC Sentinel*. 2020. Vol. 13. No. 7. P. 1–14.
- Setrana 2022 – *Setrana M.B.* Promoting peace and managing farmer-herder conflict. The role of civil society organizations in Agogo, Ghana // *African Studies Review*. 2022. Vol. 65. No. 2. P. 430–454.
- Wandusim 2015 – *Wandusim M.F.* Christian-Muslim relations in Ghana. The role of the youth // *Journal of Advocacy, Research and Education*. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 223–230.
- Whitfield 2003 – *Whitfield L.* Civil society as idea and civil society as process. The case of Ghana // *Oxford Development Studies*. 2003. Vol. 31. No. 3. P. 379–400.
- Zulkarnain 2020 – *Zulkarnain M.* Nature of home-grown terrorism threat in Ghana // *Journal of Terrorism Studies*. 2020. Vol. 2. No. 2. URL: <https://scholarhub.ui.ac.id/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=jts> (дата обращения 09.11.2023).

References

- Agbevide, A., Graham, E. and Van, R.E. (2021), “The national peace council and democratic consolidation. An assessment”, *International Journal of Political Science and Governance*, vol. 3, no. 2, pp. 90–100.
- Amoah, P.A. (2020), “Examining attitudes towards welfare in an in/security regime. Evidence from Ghana”, *Social Policy and Society*, vol. 19, no. 4, pp. 661–676.
- Aning, E.K. and Abdallah, M. (2013), “Islamic radicalization and violence in Ghana”, in *Militancy and Violence in West Africa*, Routledge, London, UK, pp. 90–124.

* Организации, признанные террористическими на территории Российской Федерации.

- Aubyn, F.K. (2021), "The risk of violent extremism and terrorism in the coastal states of West Africa. Assessing Ghana's vulnerabilities, resilience and responses", *Conflict trends*, vol. 3, pp. 14–21.
- Diedong, A.L. (2018), "Political communication in Ghana. Exploring evolving trends and their implications for national development", in *Perspectives on political communication in Africa*, Cham, Springer, USA, pp. 255–268.
- Hasty, J. (2005), *The press and political culture in Ghana*, Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Isaev, L.M., Korotayev, A.V. and Bobarykina, D.A. (2022), "The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso", *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 22, no. 2, pp. 411–421.
- Jaye, T. and Alao, C.A. (2013), "Islamic radicalization and violence in Liberia", in *Militancy and violence in West Africa*, Routledge, London, UK, pp. 125–160.
- Korotayev, A.V., Malkov, A.S., Burova, A.N., Zinkina, J.V. and Khodunov, A.S. (2012), "A trap at the escape from the trap. Mathematical modeling of socio-political destabilization in the countries of the world-system periphery and the events of the Arab spring of 2011", in Akaev, A., ed., *Modelirovanie i prognozirovanie global'nogo, regional'nogo i natsional'nogo razvitiya* [Modeling and forecasting global, regional and national development], Librokom/URSS, Moscow Russia, pp. 210–276.
- Korotayev, A., Romanov, D., Zinkina, J. and Slav, M. (2023), "Urban youth and terrorism. A quantitative analysis (are youth bulges relevant anymore?)", *Political Studies Review*, vol. 21, no. 3, pp. 550–574, <https://doi.org/10.1177/14789299221075908>.
- Korotayev, A., Shulgin, S., Ustyuzhanin, V., Zinkina, J. and Grinin, L. (2023), "Modeling social self-organization and historical dynamics. Africa's futures", in Sadovnichy, V., ed., *Reconsidering the limits to growth. A report to the Russian Association of the Club of Rome*. Springer. Cham, Switzerland, pp. 461–490, https://doi.org/10.1007/978-3-031-34999-7_20
- Korotayev, A.V. and Ustyuzhanin, V.V. (2021), "On the structural and demographic factors of armed Islamist revolutionary uprisings in the G5 Sahel countries", in *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic monitoring of global and regional risks], vol. 12, pp. 451–474.
- Korotayev, A.V., Ustyuzhanin, V.V., Zinkina, J.V., Shulgin, S.G. and Grinin, L.E. (2022), "On the mathematical modeling of the political and demographic future of Africa", in *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic monitoring of global and regional risks], vol. 13, pp. 271–321, DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_09.
- Kostelyanets, S.V. (2016), "Terrorism in Africa. Features, trends and prospects", *Pathways to Peace and Security*, vol. 51, no. 2, pp. 101–113.
- Kumi, E. (2022), "Pandemic democracy. The nexus of Covid-19, shrinking civic space for civil society organizations and the 2020 elections in Ghana", *Democratization*, vol. 29, no. 5, pp. 939–957.

- Madubuegwu, C.E., Ibekaku, U.K. and Dominic, O.E. (2021), "Terrorism in West Africa and national security of states. A critical analysis", *Nigerian Journal of Social Development*, vol. 10, pp. 37–53.
- Nsaibia, H., and Weiss, C. (2020), "The end of the Sahelian Anomaly. How the global conflict between the Islamic State and al-Qaida* finally came to West Africa", *CTC Sentinel*, vol. 13, no. 7, pp. 1–14.
- Setrana, M.B. (2022), "Promoting peace and managing farmer-herder conflict. The role of civil society organizations in Agogo, Ghana", *African Studies Review*, vol. 65, no. 2, pp. 430–454.
- Vasiliev, A.M. and Zherlitsina, N.A. (2019), "Transformation of ISIS* strategy in Libya", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 12, pp. 101–108.
- Wandusim, M.F. (2015), "Christian-Muslim relations in Ghana. The role of the youth", *Journal of Advocacy, Research and Education*, vol. 4, no. 3, pp. 223–230.
- Whitfield, L. (2003), "Civil society as idea and civil society as process. The case of Ghana", *Oxford Development Studies*, vol. 31, no. 3, pp. 379–400.
- Zakharov, I.A., Gorokhov, S.A. and Dmitriev, R.V. (2020), "The role of the religious factor in the formation of conflict zones in Africa", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*, vol. 65, no. 4, pp. 640–653.
- Zherlitsina, N.A. (2018), "Africa and Africans in national, regional and global dimensions", *Oriens*, vol. 2, pp. 19–165.
- Zulkarnain, M. (2020), "Nature of home-grown terrorism threat in Ghana", *Journal of Terrorism Studies*, vol. 2, no. 2, available at: <https://scholarhub.ui.ac.id/cgi/view-content.cgi?article=1018&context=jts> (Accessed 9 Nov. 2023).

Информация об авторах

Андрей В. Коротаев, доктор исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;

Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, akorotaev@hse.ru

Леонид М. Исаев, кандидат политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;

Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; lisaev@hse.ru

Алиса Р. Шишкина, кандидат политических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20;

Институт Африки РАН, Москва, Россия; 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; ashishkina@hse.ru

Information about the authors

Andrey V. Korotayev, Dr. of Sci. (History), HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia; 6, Mikluho-Maclaya St., Moscow, Russia, 117198;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia; 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001; akorotaev@hse.ru

Leonid M. Issaev, Cand. of Sci. (Political Sciences), HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

Patrice Lumumba RUDN University, Moscow, Russia; 6, Mikluho-Maclaya St., Moscow, Russia, 117198;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia; 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001; lisaev@hse.ru

Alisa R. Shishkina, Cand. of Sci. (Political Sciences), HSE University, Moscow, Russia; 20, Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000;

Institute for African Studies RAS, Moscow, Russia; 30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia. 123001; ashishkina@hse.ru